

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2012г.

ЧИТАЕМ САМИ

О МАМЕ

**СТИХИ
И
РАССКАЗЫ**

Рисунки У. Дунаевой

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

О-И

0-11 **О маме:** Стихи и рассказы/Рис. И. Дунаевой. —
Переизд. — М.: Дет. лит., 1988. — 32 с: ил. — (Чи-
таем сами).

ISBN 5-08—001308-7

В стихах и рассказах известные советские поэты и писатели говорят о любви к матери, о том, что это чувство делает жизнь человека светлой и радостной. В книгу вошли произведения А. Варто, Е. Благиной, З. Воскресенской и др.

Мама!

Самое прекрасное слово на земле — мама.

Это первое слово, которое произносит человек, и звучит оно на всех языках одинаково нежно.

У мамы самые добрые и ласковые руки, они всё умеют. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нём никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остаётся равнодушным.

И сколько бы ни было тебе лет — пять или пятьдесят, тебе всегда нужна мать, её ласка, её взгляд. И чем больше твоя любовь к матери, тем радостнее и светлее жизнь.

3. Воскресенская СЕКРЕТ

В конце февраля в доме Ульяновых на антресолях поселялся Секрет. Он был беспокойный: стучал молотком, тархтел швейной машинкой, визжал, как пила, и похрипывал, как лобзик.

Стоило детям в столовой хоть на минуту остаться без родителей, Секрет соединял их головы и начинал таинственно шептать. С появлением мамы он исчезал, и дети садились по местам с самым равнодушным видом.

Аня, Саша, Володя и Оля дали друг другу слово беречь Секрет и папе с мамой его не выдавать. Здесь же были Маняша и Митя. На Маняшу можно было положиться — ей два года, а Мите хоть и шесть, но он никак не может смириться с тем, что о Секрете не должна знать мама. Вечером Митя не вытерпел, подошёл к маме и прошептал:

— Мамочка, а у нас есть Секрет. Хочешь, скажу?

Мама строго посмотрела на младшего сына.

— Нет, я и слушать не буду. Секрета выдавать нельзя, его надо беречь.

По вечерам мама не заходила к детям наверх, чтобы не столкнуться с Секретом. Она сидела в столовой, вязала и улыбалась. Когда Аня попросила разрешения оставить себе деньги,

заработанные за уроки, мама не спросила, зачем они ей понадобились. Она даже не заметила, что швейная машинка переехала из столовой в Анину комнату. Папа сидел у себя в кабинете и, заткнув уши, работал, чтобы не слышать, как Секрет прошивает стуком швейной машинки весь дом.

За ужином родители не замечали ни золотистых стружек, запутавшихся в кудрях Володи, ни висевших на шее у Оли пряжей цветных ниток, ни забинтованного у Саши пальца, ни перемазанного красками лица Мити. И папе почему-то в эти вечера не хотелось сыграть с Сашей в шахматы...

Только часы ни с чем не считались. Им не было дела ни до какого Секрета. И если бы они не били по вечерам девять раз, мама и не вспомнила бы, что детям пора спать.

Секрет помогал готовить уроки особенно тщательно, он не мог допустить, чтобы из-за него дети схватили, чего доброго, плохую отметку.

Накануне торжественного дня Секрет должен был спуститься с антресольей вниз, и мама с папой ушли к знакомым.

Саша с Володей принялись натирать воском крашенные полы и чистить себе и сестрам ботинки. И полы и ботинки сверкали как зеркальные. Аня и Оля крахмалили, нагла-

живали братьям воротнички, рубашки и себе ленты. Митя наводил порядок в игрушках. Маняша сидела в детской, и, чтобы ей не было скучно, Оля дала ей поиграть своим Секретом. В этот вечер Маняша никому не мешала.

И когда, казалось, всё было готово и до прихода родителей оставались считанные минуты, разразилась беда.

Оля с плачем прибежала к Ане.

— Смотри, что Маняша натворила. Где она только ножницы разыскала?

Аня ахнула, и сестры побежали к братьям за помощью. Володя увидел заплаканное лицо Оли, вынул из кармана платок, вытер ей слёзы.

— Не плачь, — уговаривал он свою подружку. — Саша сейчас что-нибудь придумает.

Саша не умел огорчаться и всегда находил выход из положения, даже тогда, когда Секрет, казалось, был непоправимо искалечен.

Саша принялся рисовать. Аня подбирала нитки. Володя вдвевал нитки в иголки. Оля вытерла насухо глаза и принялась за работу. Беда была ликвидирована, а Секрет после поправки стал ещё красивее.

Шестого марта Секрет заставил маму спать дольше обычного, чтобы дети ушли в гимназию до того, как она проснётся.

Уроки в этот день тянулись необыкновенно долго. Зато когда они закончились и Саша с Володей встретились у Мариинской гимназии с сестрами, чтобы вместе идти домой, всем им показалось, что солнце светит совсем по-весеннему и улицы сверкают в праздничном инее, а Володя прислушался и нашёл, что галки сегодня поют, как скворцы.

В доме пахло праздником.

Мама, одетая в своё лучшее платье, сидела с папой в столовой и ждала детей. Сверху доносился весёлый переполох.

И вот они, шестеро детей, спускаются по лесенке и тремя парами входят в столовую. Впереди идут Маняша с Митей, за ними Оля с Володей и затем Аня с Сашей. У каждого за спиной Секрет, который они сейчас откроют маме.

Заполнили комнату, остановились. Шесть пар сверкающих глаз с восхищением смотрят на свою маму. Она сегодня такая красивая! Ей так идёт синее платье с белым воротничком и волосы белые, как кружево, над высоким лбом! На лице улыбка, и в карих глазах поблёскивают солнечные искры. Папа в парадном сюртуке стоит за стулом мамы, сияющий, торжественный.

Аня вышла вперёд.

— Дорогая наша мамочка, — говорит она звонким, срывающимся голосом. — Мы поздравляем тебя с днём рождения. Желаем, чтобы ты всегда была здорова, всегда счастлива, всегда улыбалась.

— Спасибо, дорогие мои, спасибо! — И у мамы срывается голос и в глазах блестят слёзы.

— Маняша, иди, — шепчет Аня.

Маняша бежит к маме, подаёт на блюдечке крохотный колобок. Она сама его состряпала.

— Попробуй, — предлагает она маме и живо взбирается к ней на колени.

— Ах, как вкусно! — откусила мама кусочек, а остальное Маняша запихала себе в рот.

Митя, выпятив важно губы, несёт на ладонях конверт, разрисованный диковинными цветами и неведомыми зверюшками. Все самые яркие и весёлые краски и всё своё умение вложил Митя в рисунок. А как старательно выведены на листке четыре слова: «Дорогая мамочка. Поздравляю. Митя!»

Мама прочитала вслух и передала письмо папе:

— Смотри, какое чудное поздравление!

И папе очень понравился Митин подарок.

Оля положила маме на колени думочку. На зелёной подушке, как на лугу, пестрели вышитые полевые цветы и в середине большой красный мак.

— Очень красивая подушка, — залюбовалась мама, — настоящий весенний луг. — Особенно понравился маме мак. — Этот лепесток словно ветром отвернуло, и мак совсем как живой.

У Оли отлегло от сердца: как раз под этим лепестком и была злосчастная дырка, вырезанная Маняшей.

Маняша взглянула на подушку и уткнулась лицом маме в грудь.

Володя вздохнул. Подушка затмила все подарки. Понравится ли маме его подарок? Он поставил на пол маленький светлый домик с круглым окошечком.

— Мамочка, этот скворечник я приделаю к вязу возле кухни. В нём поселятся скворцы и будут петь тебе песни. Они ведь скоро прилетят.

— Какая прелесть! — обрадовалась мама. — В детстве у меня перед окном был точно такой же скворечник. С тех пор я очень люблю скворцов. Спасибо, Володюшка!

Саша развернул лист белой бумаги и вынул дощечку. Нет,

это когда-то была дощечка, а лобзик и пила в руках Саши превратили её в тонкое кружево с красивыми зубцами и причудливо изогнутыми веточками и цветами.

— Это дощечка для резки хлеба, — сразу поняла мама. — Как раз мне её и не хватало. Но она такая красивая, что, право, жалко на ней резать хлеб. Я буду её очень беречь.

Наконец пришла очередь Ани. Она раскрыла свой секрет. Тёплая байковая кофточка, жёлтая, как цыплячий пух, была отделана коричневым воротником и манжетами. Материю Аня купила на свой первый трудовой заработок. Сама скроила и сшила.

Мама примерила кофточку и не захотела её снимать. Уж очень она ей понравилась.

Где-то хлопнула дверь. Папа засмеялся:

— Это господин Секрет убежал.

И сразу стало шумно и весело. Шестеро детей уселись за стол. На одном конце Мария Александровна, на другом — Илья Николаевич.

— А у меня тоже подарок — всем нам по случаю дня рождения нашей мамочки.

Папа вынул из конверта большую фотографию, на которой была снята вся семья.

Дети вспомнили, как осенью папа водил их всех в фотографию, и как долго их там усаживали и не велели дышать и моргать, и как Маняша испугалась фотографа, когда он накрылся чёрной пелёнкой.

И вот перед ними готовая фотография.

— Как хорошо, что у нас есть мама! — сказал папа. — Она заботится о всех нас и очень нас любит. Скажем ей спасибо за это. И мы все тоже крепко любим её.

Сергей Михалков

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?

— А у нас сегодня гость.
А у вас?

— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?

— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.

А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — лётчик?
Что ж такого?

Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.
А у Лёвы мама — повар.
Мама — лётчик?
Что ж такого?

— Всех важней,—сказала Ната,—
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.
Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

Борис Емельянов

МАМИНЫ РУКИ

Такой это был несчастный, нехороший день!

С утра до вечера Маша капризничала, ссорилась с бабушкой, в комнате убираться не стала, читать не училась, в тетрадку ничего не писала, а только сидела в углу и хлопала носом.

Мама пришла, и бабушка ей пожаловалась: целый, мол, день капризничает девчонка и никакого сладу с ней нет.

Мама спросила:

— Что же с тобой, дочка, делается? Ты не больна ли? — и положила Маше на лоб свою руку.

Руки у мамы были удивительные: сухие, чуть шершавенькие, но такие лёгкие и добрые.

На этот раз Маша только головой мотнула и стряхнула с себя мамины руки.

— Фу, — сказала она. — Фу, мамочка! Какие у тебя руки нехорошие.

— Ну вот! — удивилась мама. — Сколько лет жили-дружили, а теперь стала нехороша. Чем же тебе, дочка, мои руки сегодня не понравились?

— Жёсткие, — ответила Маша. — Царапаются.

Мама посмотрела на свои руки, Маше показалось, грустно.

— Руки обыкновенные, — сказала мама. — Рабочие руки. Ничего уж с ними не поделаешь.

Встала и ушла в ванную мыться.

Маше так вдруг стало жалко маму.

Она уже хотела бежать за ней, бабушка не пустила.

— Сиди! — сказала бабушка грозно. — Сиди! Мать обидела ни за что. Руки у твоей матери золотые, это все знают. Материными руками добра сделано — на десять таких, как ты, хватит; полотном, которое мать наткала, полземли устлать можно. Даром что молода, а сноровиста. Мать у тебя не белоручка, работница, плохого в том нет. Станешь к станкам на материно место — дай тебе бог такой быть, обидчица!

— Я её обидеть не хотела, — сказала Маша, плача.

— Не хотела, да обидела, — сказала бабушка. — Так тоже бывает. За языком поглядывай. Руки у твоей матери верно, что жёсткие, а вот сердце мягкое... Я бы на её месте тебе как полагается всыпала, горячих... Надрала бы уши.

Мама вернулась и услышала, как бабушка ворчит, а Маша плачет, и сразу не разобралась, в чём дело.

— Не стыдно тебе ещё и бабушку обижать, — сказала она. — Сердце у бабки отходчивое. Я бы на её месте...

— Знаю, знаю! — закричала Маша неожиданно весело и бросилась к матери целоваться и обниматься. — Знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказала мама. — А если знаешь — говори.

— Знаю, — сказала Маша. — Ты бы на бабушкином месте надрала мне уши. Я ведь твои руки обидела.

— Ну и надеру, — сказала мама. — Чтоб не обижала.

— Бабушка тоже говорила, — сказала Маша из угла, — что если бы она была на твоём месте, то надрала бы. А на своём — вы обе не можете.

Бабушка и мама переглянулись и засмеялись.

МАМИНО ГОРЕ

Что такое счастье — кто знает? Мама говорила: счастье у каждого своё.

Так, наверное, и есть на самом деле.

Бабушкино счастье свой срок на земле отслужило и лежало завёрнутое в бумажку в большой красной коробке у бабушки на комод. Миша и Маша один раз залезли потихоньку в красную коробку, когда бабушки не было дома, и нашли в ней две дедушкины медали и тоненькое золотое колечко. Дедушку убили на войне. Дети это знали. Бабушкино счастье они завернули обратно в бумажку, коробку поставили на место и целый день сидели по разным углам и опять думали.

Дети привыкли верить в мамино счастье. Мама у них была счастливая. Вот и сегодня она вернулась с работы, бабушку обняла и сказала:

— Нашу Трёхгорку сегодня наградили орденом Ленина. Ой, как я рада!

Бабушка спросила:

— А тебя, дочка, не наградили?

Мама ответила весело:

— Меня в этот раз не наградили. Наградной лист нам, говорят, пишут.

Бабушка сказала:

— Характер у тебя, Наталья, счастливый. Умеешь ты радоваться не за себя, а за других. Это хорошо.

Через три дня всё стало плохо. Мама сидела с бабушкой за столом и пила чай, дети лежали в кроватках и шёпотом ссорились. Маша сегодня сломала Мишину удочку — доставала удочкой из-под дивана катушку с нитками. Конечно, Миша сердился. Маша отдавала за удочку матрёшкину синюю кофту, Миша не брал и требовал две тетрадки и красный карандаш. Вдруг мама сказала:

— Такое горе, такое горе... Катя заболела.

Миша даже привскочил на кровати и опять лёг. Вот тебе и раз. А они думали, что у счастливой мамы горя никогда не бывает.

Бабушка сказала по-своему:

— Ты, Наталья, не расстраивайся. Всё перемелется, мука будет. Поправится Катерина, вот увидишь. Это ведь не царское время, когда рабочему человеку жизни не было. Вылечат. Только надо её лечить с умом и со скоростью.

Мама сказала:

— Кате фабричный комитет дал бесплатную путёвку в санаторий, и завтра она уезжает. Всё равно беспокойно.

— Характер у тебя, Наталья, скверный, — вздохнула бабушка. — Горюешь не за себя, а за других.

— Катерина — моя сменщица и подруга, — сказала мама сурово. — Кому же о ней горевать, как не мне. Дети останутся одни на целый месяц.

— С таким гореваньем тебя надолго не хватит, — сказала бабушка.

— Хватит и останется, — сказала мама. — Мы народ крепкий.

— Останется! — подтвердили дети радостным хором. — Мы крепкие.

Мама даже вскочила со стула.

— Спать сейчас же! — рассердилась мама. — Это ещё что за фокусы? Вот уж действительно горе моё.

— А вчера говорила, что радость, — пробормотал Миша. — Тебя пойми.

На другой день мама вроде была весёлая, ходила по комнате и пела. Маша теперь сидела у стола хмурая и молчаливая. Миша в углу стругал табуретку.

Мама посмотрела на Машу.

— Ну, — сказала она, — что затуманилась?

— Ничего я не затуманилась, — сказала Маша. — Нюшка и Федя остались одни. Тётя Катя уехала.

— Тебе-то что, — сказала мама. — Уехала и уехала.

— Нюшка — моя подруга, — сказала Маша. — Кому же о ней беспокоиться, как не мне.

— Федька плачет с утра, — сказал Миша.

— Возьмём Нюшку и Федю к нам жить, пока тётя Катя не вернётся, — сказала Маша.

— Конечно, возьмём, — сказал Миша. — Зачем беспокоиться зря. Взяли, и делу конец.

Так и решили. Взяли Нюшку и Федю. Жили все вместе целый месяц. Выздоровела тётя Катя и вернулась. Бабушка сказала:

— Ну вот, жители. Погоревали, и хватит.

Агния Барто

РАЗЛУКА

Всё я делаю для мамы:
Для неё играю гаммы,
Для неё хожу к врачу,
Математику учу.

Все мальчишки в речку лезли,
Я один сидел на пляже,

Для неё, после болезни,
Не купался в речке даже.

Для неё я мою руки,
Ем какие-то морковки...
Только мы теперь в разлуке,
Мама в городе Прилуки,
Пятый день в командировке.

Ну, сначала я, без мамы,
Отложил в сторонку гаммы,

Нагляделся в телевизор,
На вечерние программы.

Я сидел не слишком близко,
Но в глазах пошли полосы.
Там у них одна артистка
Ходит в маминой причёске.

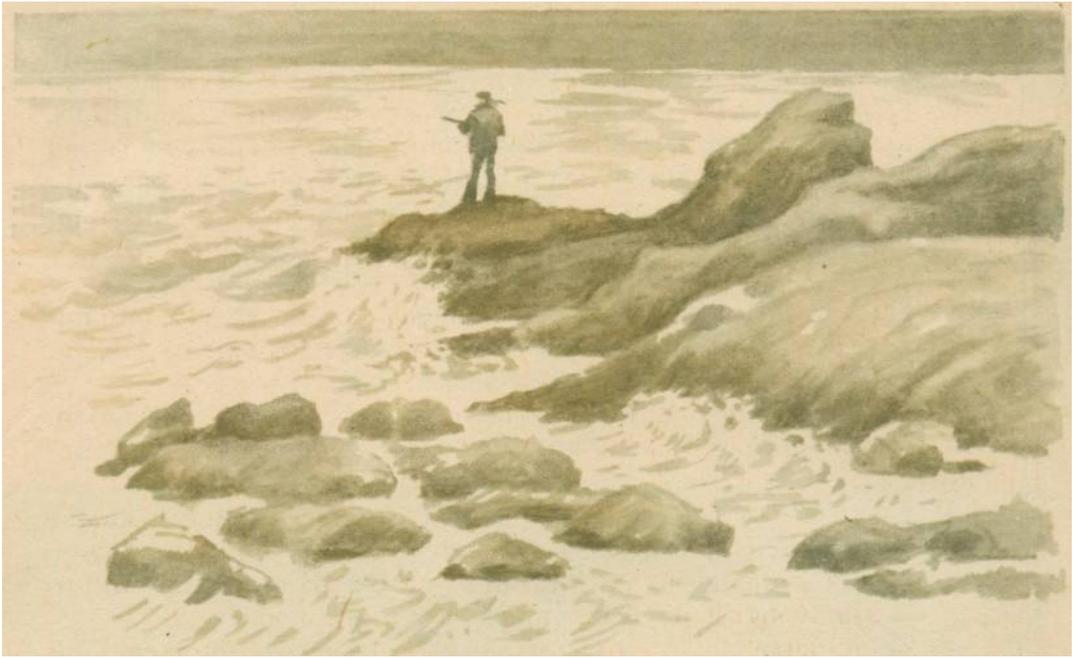
И сегодня целый вечер
Что-то мне заняться нечем!
У отца в руках газета,

Только он витает где-то,
Говорит: «Потерпим малость,
Десять дней ещё осталось...»

И наверно, по привычке
Или, может быть, от скуки
Я кладу на место спички
И зачем-то мою руки.

И звучат печально гаммы
В нашей комнате. Без мамы.

С. Георгиевская

ГАЛИНА МАМА

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером.

Там нет ни лесов, ни полей — есть одна только тундра, вся затянута ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает. Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале — в самой настоящей гранитной скале. Матросы вырубили в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым каменным сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! — иногда думала Галина мама. — Какая тут пещера, какие скалы! Точно в сказке! Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но война шла, и писать обо всём этом не полагалось, да маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе (так у флотских называется кухня), то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров Рыбачий, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова.

Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное. Только далеко, там, где земля упирается в небо, стояли неровными зубцами горы. Это был хребет Тунтури.

Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камни лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер, бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И так было пусто кругом! Даже птиц не было видно в синем небе.

Есть на свете такая суровая земля — наша! — часть нашей Родины. И за неё на войне проливали кровь.

Лошадь проваливалась в сугробах, уходила в талую воду по самое брюхо.

С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

— Ну ты, пошла, пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

И вот они выбрались к самому заливу — лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист глянцевитой бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце — так чист, так спокоен был небесный купол.

И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то со стороны Тунтурей прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег.

Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

— Ну, старушка, родная, гони! — закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались.

Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадью.

Маме очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стремени, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошнило. Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну, ещё десять шагов! Ну, ещё пять! Ну, ещё три!»

Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней. Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть — и она пришла.

— Пришла!.. — сказала мама и упала на снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку. Когда маму подняли и понесли в санитарную часть, её раненая рука свесилась с носилок и, словно мёртвая, поволоклась за ней по высоким снежным буграм.

В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Н. Саконская

РАЗГОВОР О МАМЕ

От чистого сердца,
Простыми словами
Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.
Мы любим её,
Как хорошего друга,
За то, что у нас
С нею всё сообща,
За то, что, когда
Нам приходится туго,
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.
Мы любим её и за то,
Что порою
Становятся строже
В морщинках глаза.
Но стоит с повинной
Прийти головою —
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.
За то, что всегда
Без утайки и прямо
Мы можем доверить
Ей сердце своё.
И просто за то,
Что она — наша мама,
Мы крепко и нежно
Любим её.

В а с и л и й Б е л о в

ДАНЯ

Санки везёт папа, а в санках сидит закутанный в одеяло Даня. Он глядит на дорогу и на холодное солнышко. Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя. Но Даня всё равно глядит. Даня, Данилка, Даниил. Как только его не называют, и все по-разному. Правда, он совсем ещё маленький — такой, что даже не все буквы выговаривает. Даже в школу не ходит, а ходит в совхозный детсадик. Вернее, его увозят туда в санках. Увозят на всю неделю, а в субботу снова домой привозят. Сегодня ночью будет Новый год, и папа везёт Даню домой.

— Даня, Даня! — кричит с горы третьеклассник Борис. — Беги, Даня, сюда!

Но Даню, конечно, не отпустили на гору. Вдруг папа встретился с директором совхоза.

— Опять на третью ферму концентраты не подвезли! — сердито сказал директор.

Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой.

— Ножками? — спросил Даня.

Папа ничего не сказал и опять заспорил с директором. Пришлось идти одному, хотя до дому было ещё порядочно. Даня долго перешагивал уроненную на дорогу жердь и чуть-чуть не чебурахнулся. Но вот, наконец, и родное крылечко. У Дани сердце замерло, как на качелях. Сейчас он маму увидит. Только сначала валенки надо веником обмести. Р-раз, р-раз — и всё! Ух, и здорово топает Даня своими новыми валенками! Дотянуться-то дотянулся, а двери всё равно самому не открыть!

— Эх ты, карандаш! — засмеялся отец и открыл дверь.

И сразу Даня маму увидел.

— Мама! Мама! — закричал он и чуть не заплакал: уж очень он ей обрадовался.

А мама откинула полотенце, которым она обтирала чайную посуду, и так прижала Даню к себе, что у него даже косточка какая-то хрустнула. Долго она его не отпускала.

Хорошо дома. Половики настланы по белому полу, кот Жмурик спит. Лапы свои вытянул и знай себе спит. Новые занавески мама повесила, печка топится и трещит, а Даня сидит у печки и ест пряник. Жмурика он сразу разбудил, и тот трётся о Даню и мурлычет. Мама гладит платье, отец газету читает, и мама слушает, что папа рассказывает. Чего-то про ферму, про концентраты.

— Вот, Даня, папу-то опять ругают, — сказала она, а Даня подошёл к отцу и серьёзно произнёс:

— Нельзя, папа, в штаники писать!

— Да нет, его не за это ругают! — засмеялась мама.

Даня вытащил из-за комода ящик с игрушками. Вот он, мишка, с одним стеклянным глазом. И пожарная машина не заводится. Лягушка-квакушка пока заводится, но Даня ещё прошлый раз уронил в шёлку заводной ключик...

— Папа, достань ключик.

— Даня, иди сюда, не мешай папе, — говорит мама.

Даня подошёл и обжёг палец об утюг. Сразу стало больно и захотелось реветь.

— Знаешь, я сейчас принесу тебе ёлочку из кладовки, — сказала мама. — Хочешь ёлочку?

Конечно, Даня хотел. Мама надела пальто и без платка вышла в сени. Она принесла небольшую ёлочку.

— Во какая! — восхищённо сказал Даня про ёлочку.

Она была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом. Даня потрогал её за ветку. Колется! И начал прыгать на одной ноге, а мама обернула конец ёлочки бабушкиной фу-

файкой и вложила в большое ведро. Теперь ёлочка стояла и не падала. Мама взяла из шкафа коробку с прошлогодними украшениями. У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары. Целый год лежали, а ничего им не сделалось. И петух с красной бородой, и лиса на верёвочке, и бусы — всё тут было!

Мама разукрасила ёлку и поставила у дивана в маленькой комнате, но Дани всё равно захотелось ещё чего-то. Он сложил в ящик старые игрушки и направился в большую комнату.

— Ты чего, Даня? — спросила мама.

— Пошёл на обед.

Мама долго прижимала его к себе, и смеялась, и пела про Волгу.

Уже протопилась печка, Жмурик опять лёг спать, а Нового года всё не было. Даня запросился на улицу, и мама опять надела на него пальто и валенки.

— Гляди, Даня, за калитку не бегай! — сказала она, сняла с верёвки выстиранное бельё и ушла в дом.

Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег всё равно белый. Только тропинки к воротам не белые — наверное, от валенок. Весь посёлок дымит тоже белым и пушистым дымком. Репродуктор у конторы кричит на морозе, ребята на горе катаются на лыжах, Борис тоже там.

— Иди сюда, Даня! — крикнул он. — Чего стоишь, иди сюда!

Но Дане туда нельзя. Тогда Борис подъехал к нему сам. Даня так и устался на его настоящие лыжи.

— Даня, ты на кого будешь учиться? — спросил Борис.

— На папу. А ты?

Борис, опершись на палки, долго глядел на красную далёкую зарю. Он сдвигал и раздвигал свои брови.

— Даня, — зашептал он, — я скоро буду лунатиком. Хочу стать лунатиком. Буду ходить по проводам и по крышам. Все лунатики по крышам ходят. Бабушка говорит, если будешь на луне спать, обязательно будешь лунатиком. Она занавеску на окно повесила.

Даня слушал очень внимательно.

— ...хочу ходить по крышам. Я уже хотел раз поспать на луне, да спать уж больно хотелось. А сегодня обязательно не просплю и отодвину занавеску. Чтобы луна прямо в окошко светила...

— А моя бабушка летом приедет, — сказал Даня. — Моя бабушка — это мамина мама. Когда я большой буду, я ей заводные тапки куплю. Она толстая, у неё ноги тихо ходят.

— Тапки? — спросил Борис. — Таких и не продают. Где ты их купишь?

— В купилке.

— Не в купилке, а в магазине, — поправил Борис.

— В магазине, — как эхо, повторил Даня.

Вышла мама, ласково взяла Даню на тёплые руки и унесла, а Борис тоже поехал домой. Над посёлком зажглась яркая зелёная звезда, вдалеке, у конторы, проурчала машина, в домах загорались новогодние огни. Даня, засыпая, думал о бабушке, о заводной лягушке-квакушке и о Борисе, который хочет ходить по крышам.

— Мама, а я тоже буду лунатиком?

— Будешь, будешь. Спи, милый.

Он засыпал, этот счастливый Даня, а мама сидела рядом на диване и рассказывала сказку про тетерева и про лису..

В большой комнате горел свет, а здесь ёлочка мерцала своими шарами у самой головы и Жмурик тоже был рядом. Глаза у Дани сами вдруг закрылись, и мама поцеловала его в щёку.

— Спи, маленький, спи.

«Мама, ты никуда не уйдёшь?» — хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул. Ему снился детсадик и пушистый морозный снег, но не белый, а голубой. Жмурик пошёл по этому снегу, оглянулся на Даню и исчез в снегу. Лёгкая и далёкая тревога чуть кольнула Данино сердечко, но ему уже снился медвежонок с одним стеклянным глазом и ёлочка с голубыми шарами.

Вдруг Даня вздрогнул во сне. Вздрогнул от ночной тишины, открыл глаза и проснулся.

— Мама, — с надеждой позвал он.

В комнате было тихо, ему никто не отвечал.

— Мама! — уже со слезами в голосе крикнул Даня и вскочил.

В одних трусиках, босиком, натываясь на что-то, он пошёл в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной неразобранная кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом всё громче и громче.

С улицы в окна сочился призрачный снежный свет, на стёклах мерцали звёздочки инея, за печкой тяжело ходил кот, и мамы нигде не было. Дане стало совсем горько, одиноко и страшно. Все его забыли, только в темноте тикал будильник. Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал:

— Мама, мамочка!

И опять ему никто не ответил! Светила в окошко луна, мерцал иней на стёклах, и кот ходил в темноте, но Даня уже не слышал, как он ходил. Даня зашёлся в плаче, захлебнулся и задрожал, как от холода.

Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати.

Квадрат, освещенный новогодней луной, уже передвинулся далеко в сторону, когда за окном стукнула калитка. Вошла с улицы мать, весёлая, краснощёкая. Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату.

— Даня! Где Даня?!

А отец уже стоял над сыном, который, свернувшись крохотным калачиком, ногами в изголовье, спал поверх покрывала.

— Даня, маленький, ну что ты? — Мама осторожно взяла Даню на руки.

Он вздрогнул, будто отголосок страшной ночи опять зазвучал в маленьком сердечке. Не открывая глаз, прижался к матери, крепко обхватил её за шею.

— Мама, мама миленькая, ты пришла?

От мамы пахло морозом, снегом и ещё чем-то, может быть луной. Даня снова был счастливым, снова мерцала шарами ёлочка, и снова Жмурик мурлыкал ему свою сказку.

И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете.

За окном морозное облачко окутало тихую новогоднюю луну, совхозный посёлок белел пушистыми крышами. В комнате было тепло, ёлочные шары тихо звенели на колючих ветках. Даня дышал глубоко и счастливо.

Ты спишь, Даня? Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, и мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растёшь. Ты будешь ходить по крышам, ты будешь летать по небу, ты увидишь луну. Когда-нибудь ты пройдёшь по золотой лунной кромке так же, как сейчас Новый год идёт по большой тревожной Земле. И синий громадный шар этой Земли будет светить тебе издалека.

Е. Благинина

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ

Мама спит, она устала...
Ну, и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой,
А по маминой подушке
Луч крадётся золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу.

Я бы многого хотела:
Вслух читать и мяч катать.
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать...

Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
«Ничего, — шепнул он будто,
Посидим и в тишине!»

СОДЕРЖАНИЕ

З. Воскресенская. Секрет (Из книги «Сердце матери».)	4
С. Михалков. А что у вас? Стихи	10
Б. Емельянов. Мамины руки. Мамино горе. (Из книги «Рассказы о маме».)	12
А. Барто. Разлука. Стихи	16
С. Георгиевская. Галина мама. (Из «Повести о Галиной маме».)	18
Н. Саконская. Разговор о маме. Стихи	22
В. Белов. Даня. Рассказ	24
Е. Благинина. Посидим в тишине. Стихи	30

Лигера'у(>но-художественное издание

Для младшего школьного возраста

О М А М Е

Ответственный редактор М. С. Б ф И м О в а. Художественный редактор М. Д. С у Х о в п. с н а. Технический редактор И. К. Е г о р о в а. Корректор Э. Н. С и з о в а.

ИГ» № 10671

Сдано в набор 24.04.87. Подписано к печати 18.12.87. Формат 70ХЮ0/к>- Вун. офсетная № 2. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5, Уч.-зд. л. 2,12. Тираж 3 000 000 экз.!. (4-й лавод 2 500 001 - '1000 ССП эк.); Заказ № 222. Цена 10 кои. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета Г'СФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавнолиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, ЛеВИНГрад, 2-я Советская, 7.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАСНИКИ!

Издательство «Детская литература»
выпускает серию книг «Читаем сами».

В 1988 году выходят книги:

Маршак С.

РАССКАЗ О НЕИЗВЕСТНОМ ГЕРОЕ.

Несколько сюжетных стихотворений, рассказывающих о жизни советских людей

Михалков С.

ВЕСЕЛЫЙ ТУРИСТ.

Стихи о школе и детях

Осеева В.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО.

В книгу вошли рассказы «Сыновья», «Синие листья», «Три товарища», «Труд согревает». Герои рассказов задумываются о своих поступках, и это помогает им в жизни.